

ПРОБЛЕМА ХАРАКТЕРА В ПОЭМЕ С. НАРОВЧАТОВА «ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ»

Непреодолимый интерес к отечественной истории, стремление по-новому воплотить «художественно нераскрытое в полную силу» натолкнули Сергея Наровчатова на мысль обратиться к новгородским былинам о Василии Буслаеве.

Новгородчина органично вошла в личную и творческую судьбу поэта. Здесь, на Волховском фронте, он впервые ощутил неразрывную связь собственного бытия со многими поколениями русских ратников, громивших чужеземцев. Его фронтовая лирика обогатилась образами и ассоциациями, навеянными национальной историей и древнерусской литературой. К героическому прошлому Родины поэт продолжает обращаться и в послевоенные годы. Так появляются стихотворения «Сказка» и «Иван-город», талантливые этюды к большому историческому полотну — поэме «Василий Буслаев».

Новгородский удалец привлек внимание Наровчатова яркой своеобычностью. Безбожник и бунтарь, он устраивает жестокий кулачный бой на улицах родного города и побивает «новгородских мужиков»; отправляясь на «покаяние» в Иерусалим, бражничает с морскими разбойниками; грустит над вещими предсказаниями мертвой головы, совершает неслыханное «святотатство» — купается, подобно Христу, нагим в библейской Иордань-реке и, наконец, погибает, пытаясь перескочить камень с запретительной надписью.

В безрассудных и на первый взгляд случайных «подвигах» новгородца С. Наровчатова сумел разглядеть не только отражение реально существовавших социально-бытовых конфликтов далекой нам эпохи, но и поиски человеком предела дозволенного. Отрицание Василием очередного земного или «небесного» авторитета поднимает его всякий раз на новую духовную высоту и одновременно приближает к заранее предопределенной гибели. В былинах «буслаевского цикла» зеркально отразились кричащие противоречия средневекового мировоззрения, когда еще не до конца осознанный, но могучий порыв к освобождению от религиозных и феодальных пут сочетался со страхом «неотвратимой кары» за этот порыв, когда бесстрашная человеческая мысль возносилась под облака, а колени привычно пригибались к земле.

Итак, для человека русского средневековья последняя черта, та роковая грань, безнаказанно переступить которую не дано никому, — это вызов судьбе и «высшим» силам. А каков же этот предел для современного сознания, для людей, стоящих на пороге третьего тысячелетия? На этот вопрос призвана была ответить поэма-притча С. Наровчатова: «Я вот недавно забрался в XII век, написал поэму о Василии Буслаеве... Общество и человек — вот идея этой поэмы, исторической по материалу, но современной по своим задачам»¹.

Бережно сохраняя поэтический дух новгородских сказаний, С. Наровчатов в соответствии со своим замыслом смело трансформирует былинный сюжет: в поэме Васье сходят с рук все его дерзости и кощунства. Конфликт разрешается в иной плоскости, где герою противостоят уже не бесплотные потусторонние силы, а могучий богатырь — вечевого (или, как говорили тогда в Новгороде, «вечный») Колокол, олицетворение новгородской государственности, «людского закона».

В поэме С. Наровчатова в отличие от народного эпоса, где «за кадром», как правило, остается психологическая мотивировка поступков, вскрываются истоки Васькиного «нигилизма». Буслаев — плоть от плоти независимого, вольнолюбивого Новгорода. И хотя он «вежеству с малых лет учен», основное образование, видимо, получил на улицах родного города. Здесь «збякий гость из Индии» ведет торг с «надменным Альбионом», а «правовверные» арабы, «христолюбивые» крестоносцы, иудеи и пьяные попы легко расстаются с «непокупным добром» — религиозными святынями. Терпимость (правда, до определенных пределов) присуща и «отцам города» («Ну, а Новгороду, что до Васькиных дел? // Был бы смел, да умел, да во всем успел»). И возмущены они не столько его «подвигами», сколько тем,

...что старцам градским из далеких сторон
Дорогих даров не сылал в поклон,
Божьей церкви не слал он десятую часть,
И земную забыл он и вышнюю власть! ²

Буслаев — принципиальный противник всякой власти, того, от века установленного порядка, при котором «всяк сверчок знай свой шесток». Главный же враг Василия бестелесен и многолик, его не одолеть в чистом поле, в честном бою, потому что он сидит в каждом, может даже в самом богатыре. Враг этот — рабская приниженность, трусость, корысть, эгоизм. В этой связи трудно согласиться с мнением критика Г. Червяченко, полагающего, что «Буслаев хочет свободы только для себя»³. У Наровчатова Васяка давно пользуется полной свободой: «Как хочу, так живу, так и кончу свой век». Но «максималисту» Буслаеву этого мало, ведь его задача — полное (и причем немедленное!) освобождение всех.

Ключевой эпизод поэмы — столкновение богатыря с Колоколом — знаменует его последнюю попытку уничтожить еще одного идола толпы. Первый идол — страх «божьего суда» (вспомним Васькино купание в Иордане, презрительный плевок в сторону «пустой» головы). Второй идол — власть денег (в поэме «богатый гость» Буслаев раздает все накопленные богатства). Но щедрыми дарами не насытить людскую алчность, озорством и богохульством не осилить суеверного страха. И в бессильном иступлении Васяка бросает вызов третьему идолу — Колоколу, и в его лице самому Господину Великому Новгороду: «Великий Новгород кличу на бой! // Испытать судьбу, потрянуть судьбой!»

Введение в поэму образа Колокола в качестве противовеса безудержному буслаевскому своеволию — большая творческая удача художника. Для любящего народ вообще и конкретно не дорожащего ничем Буслаева Колокол — лишь «первый страж» ненавистного ему порядка. А для новгородцев — это общегородская святыня, символ народного веча:

Здесь порой прощенья у голи
Просит набольший и богатый
Вековой новгородской воли
Грозный колокол громкий глашатай (с. 422).

Столкновение Василия с Новгородом описывается в поэме при помощи устойчивых оборотов, идущих непосредственно от былинной традиции («Как рукой махнет — станет улица; // Двинет пальцем одним — переулочек»). Но параллелизм словесных формулировок здесь лишь подчеркивает неоправданную жестокость затеянной Буслаевым драки. «Напрасное горенье, // Напрасное боренье», — врывается в поэтическую ткань произведения авторский голос, предвосхищающий трагическую развязку.

Как силен и красноречив Буслаев в роли обличителя и ниспровергателя «устоев и основ», так неубедительна и по-детски беспомощна его «положительная программа». Нет в Васькиных призывах внутреннего стержня — ясно осознанной, великой цели, а «без гвоздя и доска не держится», поэтому и обречен анархистский буслаевский бунт на поражение. Так в историческую поэму о событиях многовековой давности входит островеременная мысль о бесперспективности индивидуалистического протеста, внутренней пустоте «архиреволюционных» идей и непреходящей ценности национальных святынь.

Судьба героя предрешена, но в соответствии с традициями народного эпоса, что в поэме вполне согласуется с логикой развития характера, богатырь дойдет «в роковом решении» до конца: «Свою смерть он хочет настигнуть, // Через колокол перепрыгнуть» (с. 444). В эту минуту от него отрекаются не знающие страха ушкуйники, беззаветно любящая его Ксения. Душевная слепота поразила богатыря, поэтому и во зоре у него не свет, а тьма. Могильным мраком наливаются некогда синие глаза: «В глазах у Буслаева смертная тьма». «Поднимает Вася черно-голубые // Глаза живые и уже неживые». «В глазах у него темная ночь».

Выросший из коротких штанишек своей эпохи Буслаев Наровчатова всеми помыслами устремлен в будущее и оттого так трагически одинок в своем времени. «Слишком многое ему было дано», — скажут о Василии народные певцы. Василий Буслаев — это одновременно и белая ворона среди власть имущих, и вольный сокол в ватаге ушкуйников, и первая ласточка грядущих социальных катаклизмов. Это поистине национальный тип, нашедший жизненное воплощение не в одном десятке волжских атаманов,

в сибирских землепроходцах и лихих запорожцах. Есть буслаевские черты и в русских характерах такого масштаба, как Ермак и Степан Разин: «А с врагами речь: — Я иду на вы! // А с друзьями речь: — Только я да вы!»

С. Наровчатов продолжал работу над поэмой и после опубликования ее первого варианта. В Никоновской летописи он нашел запись о том, что в 1171 году «преставился в Новгороде посадник Васка Буславич»⁴. И хотя большинство ученых-фольклористов скептически оценивают возможность реального существования такого посадника, летописное упоминание о знаменитом новгородце стало мощным импульсом для переосмысления Наровчатовым его образа. В новой поэме сказание о дерзких подвигах удальца Васьки превратилось в песню «калик перехожих». Они поют ее живому и здоровому, но уже постаревшему Василию Буслаеву, ставшему новгородским посадником. Доработка поэмы, по мнению автора, дала ему «возможность показать характер героя в развитии». Думается, однако, что в поэме все же нет развития характера Буслаева (в привычном понимании), а есть скачок в новое качество, неожиданный, смелый поворот известной темы. И дело, наверное, не только в том, что «Молодости — буйство, // Молодости — удаль, // Молодости — воля. // Старости — власть».

У предводителя ушкуйников и главного администратора Новгорода общее только имя. Разнятся они и в главном (разрушитель «устоев и основ» и опора древнего порядка, непримиримый богоборец и «сокрушитель отступников и еретиков»), и в «мелочах». Васька — безрассуден и горяч, ни в грош не ставит кровные узы, легко раздает все, что имеет. Посадник — расчетливый политик, восседающий «посреди родни своей многоликой», его дом — скопище даров.

И все же не государственную мудрость убежденного сединой посадника славят в поэме песенники. Посадник — «камень», за ним — сила традиции, вчерашний день, а дерзкий Васька — поэтическая мечта, «прыжок» в день завтрашний. Н. Г. Чернышевский с горечью писал о соотечественниках: «Нация рабов. С низу до верху — все рабы». Но жила в народе былина о Василии Буслаеве, который не верил «ни в сон, ни в чох», отвергал библейские заповеди, утверждал свободу личности и право человека на земное счастье. «И тут Василию славы поют, // И во веки тая слава не минует», — говорится в одной из новгородских былин. Эта глубоко пережитая, отшлифованная веками народная мысль нашла достойное художественное воплощение в талантливой поэме С. Наровчатова.

¹ Наровчатов С. С. Атлантида рядом с тобой. — М., 1972, с. 340.

² Наровчатов С. С. Избранное: Стихотворения и поэмы. — М., 1980, с. 418. Далее ссылки на это издание даны в тексте статьи.

³ Червяченко Г. А. Поэма в советской литературе. — Ростов н/Д., 1978, с. 74.

⁴ ПСРЛ, т. 9, с. 247.

И. В. ШАБЛОВСКАЯ

АВТОР. ИСТОРИЯ. РОМАН

(«Похождения braveго солдата Швейка» Я. Гашека)

Судьбы писателей складываются по-разному — одним слава сопутствует чуть ли не с первых шагов в литературе, других она находит только после смерти. Ярослав Гашек был широко популярен при жизни как журналист, автор злых фельетонов и смешных юморесок, которые регулярно появлялись в периодической печати уже с 1901 года. Однако тогда источником популярности, в меру скандальной, была прежде всего яркая индивидуальность Гашека, незаурядная личность «взрослого младенца», сыпавшего анекдотами, наделенного даром перевоплощения, мистификации, развлекавшего и забавлявшего публику, а... между делом, легко, чаще всего без черновика, создававшего превосходные маленькие фарсы, отточенные по форме и глубокие по мысли.

Немногие, как писатель И. Ольбрахт и критик М. Брод, уже тогда видели в Гашеке большого писателя. Элитарная литературная критика хранила молчание, а когда стал выходить роман о Швейке, вся буржуазная пресса ополчилась и против автора, и против его героя. Газеты отказались печатать первую книгу «Похождений braveго солдата Швейка во время мировой войны», назвав ее аморальной. Когда в 1922 году вышло четыре